

Трофимович Т.Г. (Минск, Беларусь)

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ КАК ФАКТ КОММУНИКАТИВНОЙ ТАКТИКИ РУССКОЙ БЫТОВОЙ И ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII В.

В истории русского языка XVII век не без оснований принято считать периодом значительных перемен. Именно в этом столетии формировался русский национальный язык, лексика и грамматика которого мало отличаются от современных (1, с. 239). Его формирование происходит на основе синтеза всех жизнеспособных и ценных в идейном и экспрессивном отношениях элементов речевой культуры. Живая народная речь влияла на книжную, под ее воздействием шлифовались выразительные средства литературного языка.

В современной лингвистической литературе нет единого определения экспрессивности. На наш взгляд, экспрессивностью можно считать способность языковой единицы выражать эмоциональную оценку явления, усиливая тем самым коммуникативный потенциал высказывания, способность «выступать в коммуникативном акте средством субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» (2, с. 591).

Коммуникация, как известно, складывается из коммуникативных актов, в которых участвуют коммуниканты, используя при этом коммуникативную тактику, т.е. особые коммуникативные приемы, способы достижения какой-либо цели. Обращение к памятникам деловой и бытовой письменности XVII века, изучение коммуникативной тактики пишущих позволяет утверждать, что ее отличительной чертой является экспрессивность.

Тексты бытовой и частично деловой письменности XVII века эмоциональны, выразительны, содержат большое количество слов с суффиксами субъективной оценки, которые являются основным средством выражения экспрессивности. В этот период словообразовательная активность указанных суффиксов сильно возрастает (3, с.37). Наиболее типичными деривационными средствами при возникновении экспрессивных единиц в изученных памятниках были суффиксы **-ик-**,

-к-, -ек-, -ок-, -ец-, -ечк-, -очк-, -енк-, -онк-, -ушк-. Экспрессивно маркированные образования возможны как от апеллятивов, так и от онимов. Отантропонимических дериватов примерно половина: коммуникативная значимость имени собственного играла здесь свою роль. Перечисленные суффиксы вносили в значение слов различные экспрессивные смыслы: уменьшительно-уничижительные (*Захарка, Микитка, Афонька, Кузька, матка, женка*), уменьшительно-ласкательные (*кружок, старичок, пучок, мальчик, горшочек*), пренебрежительно-уничижительные (*бобылишка, дочеришка, старостишка, конишка, коровенка, коробчонка, работенка*), ласкательные (*батюшка, бабушка, Савушка, Оринушка*). Известным русскому языку XVII века средством создания экспрессивности были дериваты с «нанизыванием» суффиксов субъективной оценки: *кружочек, мешочек, кадушечка, платочек, Лаврушка, Кирюшка* и др.

Разнообразие, широту экспрессивных возможностей народной речи 17 века иллюстрирует факт существования нескольких вариантов дериватов с суффиксами субъективной оценки: *батяка – батюшка, девка – девчонка – девочка, детишки – детушки – детки, деньжонцы – деньжонки, женка – женишка,, животишка – животинишка и т.д.*

В анализируемый период существовали определенные зачины частных писем, которые выстраивались по условной схеме: *кому кто челом бьет и желает*. Адресат, как правило, независимо от социального положения, родственных отношений и т.п. именовался традиционно «*государь мой + степень родства + имя и отчество*», автор же назывался по имени и фамилии, по степени родства и имени. При этом адресат маркировался дериватами уменьшительно-ласкательного ряда, а автор – дериватами уменьшительно-уничижительными. Возникал эффект почтения, уважения, даже подобострастия. Например: *Гсдрю моему дядюшке Андрею Ильичю племянничишка твои Гурка Безобразов много челом бьет. Без., 32.Гсдрю нашему батюшку кнзю Василию Васильевичю дочеришки твои Арютка и Дунька прося челом бьют. МДБП, 24.Гсдрю моему батюшку Якову Осиповичю сынишко*

твои Васка с женишкою своею да дочеришкою благословения прося челом бьют много... Вл. край,322.

В зависимости от конкретных условий коммуникации возникал эффект ложной или мнимой уменьшительности, ласкательности или уничижительности. *Приятелю моему Федору Васильевичю Афонька Зыков челом бьет. Гр-ки,21. Гсдрю моему и другу сердешному женишка твоя Дашка премного челом бьет. Ист.,65.* Возникает сомнение в том, что авторы, состоящие с адресатами в дружеских и близкородственных отношениях, переживали истинные чувства самоуничижения. Это не только эпистолярный прием, это часть коммуникативной тактики адресантов. Так можно квалифицировать и использование единиц с уменьшительными суффиксами, которые не имеют уже уменьшительного значения. Читаем: *Да милости прошу Дмитрей Иванович леску на хоромное строение. Ист.,89. Да пожалуй гсдрь пришли окорочек да ветчинки на дорогу. Гр-ки, 73. Она вошла в мыленку и увидела что в мыленке сидит Анна Леонтьевна. МДБП,286.* Налицо коммуникативный феномен снижения категоричности высказывания, своего рода эвфемизм.

Памятники деловой и бытовой письменности XVII века свидетельствуют о том, что в процессе такой письменной коммуникации обозначалось четкое распределение ролей и оценка ситуаций. Так, просивший, обращающийся, писавший занимал «ничтожную» позицию. Отсюда и называние себя уничижительными дериватами. При этом оказывается «ничтожным» и все то /те, что /кто принадлежит / близок адресанту: *деревенишка, женишка, людишки, сынишко твои Ивашко, братишко твои Ванка Малыгини* т.д. Адресант, подчеркивая свое почтение, если угодно, подобострастие, может называть себя *сиротой, убогим, многогрешным* и под.: *бьют челом сироты твои, у нас сирот твоих, убогий и многогрешный сынишко ваш, а про меня убогова и под.* При этом всякий раз возникает сложная цепь ассоциаций, определяющих роли коммуникантов в процессе коммуникации: *сирота, убогий – нуждаюсь в твоём участии, помощи, многогрешный – хуже, чем ты, заслуживаю жалости, снисхождения* и под.

Возвращаясь к «ничтожной» позиции, заметим, что «ничтожным» оказывается и все то, о чем просит пишущий. *Не мешкая винца пришли да маслица. Гр., 99. Сметанки и творогу и молочка. Гр.104.* Наблюдения показывают, что к XVII веку в народной речи завершились процессы десемантизации многих уменьшительных образований. Так, лексемы *грамотка, матка, дворец, кулек* и др. утратили значение уменьшительности (СлРЯ). Однако таких единиц немного.

Особое место в памятниках частной переписки занимают пожелания, которые следовали, как правило, в конце. Они эмоциональны и очень разнообразны. *Мы желаем всечасно слышать о твоём здоровье Г157, здравствуй государь мой и на множество несчетных лет Г158, Подаи гспдь бог табе сдрю многолетно и благополучно о Христе здравствовать Г403, Подаи гспдь бгъ тебе гсдрю спасение и телесное здоровье Г444, на веки здравствуй со всеми любящими тя Г70, многолетно и благополучно здравствуй и т.д. Будь на тебе свет мой милость Божия и мое грешное отне благословение. МДБП.*

Изучение собранного материала позволяет сделать следующие выводы. Экспрессивность в русской бытовой и частично деловой письменности XVII века была частью коммуникативной тактики коммуникантов. Она имела разнообразные способы выражения при помощи суффиксов субъективной оценки. Выработанная коммуникативная тактика в качестве способов решения коммуникативных задач и достижения коммуникативных целей широко использовала феномен мнимой или ложной уменьшительности, уничижительности, ласкательности. Четко распределялись роли коммуникантов, обеспечивая беспрепятственное и результативное общение. Памятники деловой и бытовой письменности XVII века содержат богатый материал, отражающий сложившиеся к этому времени в русском языке традиции письменной коммуникации. Экспрессивность при этом была неотъемлемой частью коммуникативной тактики. Отсюда еще один значимый вывод: народно-разговорный язык московской Руси 17 века был предпосылкой и основой нацио-

нального русского языка, более существенной, чем традиции книжнославянские, сохранявшиеся в нем, но не в возрастающей, а убывающей прогрессии (Ларин).

Сокращения

Гр-ки – Грамотки XVII – нач. XVIII в. / Под ред. С. И. Коткова. – М., 1969; **Ист.** – Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – нач. XVIII в. / Под ред. С. И. Коткова, Н. П. Панкратовой. – М., 1964; **МДБП** – Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Под ред. С. И. Коткова, А. С. Орешникова, В. С. Филипповой. – М., 1965; **Без.** – Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. Из фонда А. И. Безобразова. – М., 1965.

Литература

1. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка X – середины XVII в. – М., 1975.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
3. Киселева Г.В. К вопросу о словообразовательных возможностях полногласных – неполногласных основ в русском языке XVII в. // История структурных элементов русского языка. – М., 1982.